

ВАЛЬТЕР БЕНЬЯМИН

«К критике насилия»¹

Сокращенный перевод И. Чубарова по изданию W. Benjamin. *Zur Kritik der Gewalt und andere Aufsätze. Suhrkamp Verlag. 1965. P. 29-66.* Редакция перевода: А. Магун, В. Анашвили.

Вальтер Беньямин, немецкий философ-марксист, историк фотографии, литературный критик, писатель и переводчик.

Задача критики насилия может быть описана путем представления отношения последнего к праву и справедливости. Ибо в насилии в точном смысле этого слова перерастает любая как бы то ни было действующая причина только тогда, когда она вступает в отношения нравственности (*sittliche Verhältnisse*). Сфера этих отношений обозначается через понятия права и справедливости. Что касается первого из них, то понятно, что элементарнейшим основным отношением любого правопорядка является отношение средства и цели. Кроме того, насилие можно сначала отыскать только в области средств, а не целей. Этими констатациями для критики насилия дано намного больше, чем может показаться на первый взгляд. Если к примеру насилие является средством, то критерий для его критики мог бы казаться самоочевидным. Этот критерий напрашивается в вопросе о том, является ли насилие в каждом определенном случае средством к справедливым или несправедливым целям. Соответственно критика насилия была бы имплицитно дана в системе справедливых целей. Однако это не так, так как такая система — предположим, что она установлена вопреки всем сомнениям — содержала бы не критерий самого насилия как принципа, а критерий для случаев его применения. И далее открытым оставался бы вопрос, является ли насилие как таковое, т. е. как принцип, нравственным в его применении в качестве средства для достижения справедливых целей. Этот вопрос все же требует для своего решения еще одного более точного критерия, одного различия в сфере самих средств без учета целей, которым эти средства служат.

¹ Обращаем внимание на двузначность слова *Gewalt* в немецком языке. Оно может означать как «насилие», так и «власть». Релевантность этого замечания можно продемонстрировать на следующем примере: словосочетание «государственная власть» одновременно охватывает «насилие со стороны государства» (Прим. пер.).

Исключением этого более точно поставленного критического вопроса характеризуется большое направление в философии права, что возможно и является его самым ярким признаком: естественное право. В применении насильственных средств для достижения справедливых целей оно видит столь же небольшую проблему, как человек, который уверен в своем «праве» направлять свое тело к искомой цели. С позиций естественного права (и это послужило идеологическим фундаментом террору во времена Французской Революции) насилие является продуктом природы, сродни сырью, применение которого не чревато никакими проблемами, разве что в случае, когда насилием злоупотребляют в несправедливых целях. Согласно теории естественного права о государстве, если люди полностью отказываются от насилия в пользу государства, то это происходит при условии (которое к примеру четко определил в своем «Теолого-политическом трактате» Спиноза), что каждый сам за себя и что до заключения некоего рационального договора он осуществляет любое насилие, которым владеет как *de facto*, так и *de jure*. Возможно, эти воззрения были в дальнейшем оживлены дарвиновской биологией, которая довольно догматически наряду с естественным отбором видит только в насилии то единственное, первоначальное, всем жизненным целям природы соответствующее средство. Дарвинистическая популярная философия уже не раз показывала, как мал шаг от этой природно-исторической догмы к еще более грубой философско-юридической, которая является чуть ли не единственным, что соответствует естественным целям, уже на одном этом основании являясь законной.

Этому тезису о насилии как естественной данности противостоит позитивно-юридический тезис о насилии, сложившемся исторически. Если с позиций естественного права о любом действующем праве можно судить только критикуя его цели, то с позиций позитивного права можно судить о любом возникающем праве только критикуя его средства. Если справедливость является критерием целей, то законность — критерием средств. Несмотря на это противоречие обе школы сходятся в общей базисной догме: справедливые цели могут быть достигнуты с помощью оправданных средств, а оправданные средства могут быть обращены к достижению справедливых целей. Естественное право стремится «оправдать» средства справедливостью целей, в то время как позитивное право — «гарантировать» справедливость целей оправданностью средств. Антиномия

могла бы оказаться неразрешимой, если общая догматическая предпосылка неверна, если оправданные средства с одной стороны и справедливые цели с другой находятся в непримиримом конфликте. Понимание проблемы, однако, невозможно, если оставаться в этом круге и не выделять независимые друг от друга критерии как для справедливых целей, так и для оправданных средств.

Для начала, область целей, а вместе с ней и вопрос о критериях законности в рамках этого исследования подлежат исключению. Зато в самый что ни на есть центр исследования попадает вопрос о правомерности некоторых средств, которые составляют насилие. Принципы естественного права этот вопрос решить неспособны, они могут привести только к бездонной казуистике. Так если позитивное право слепо в отношении безусловности целей, то естественное право — в отношении условности средств. Однако позитивная теория права является приемлемой в качестве гипотетической основы как исходного пункта исследования, поскольку она дифференцирует насилие относительно его видов в независимости от случаев его применения. Различие проводится между исторически признанным, так называемым санкционированным, и несанкционированным насилием. Если дальнейшие размышления и исходят из этого разграничения, то это естественно никоим образом не означает, что данные виды насилия классифицируются согласно тому, являются ли они санкционированными или нет, поскольку в критике насилия ее позитивно-правовой критерий не применяется, а скорее лишь оценивается. Вопрос состоит в том, какие последствия в отношении сути насилия имеет то обстоятельство, что такой критерий или отличие вообще возможны, или, другими словами, речь идет о смысле подобного различия. Так как то, что позитивно-юридическое различие имеет смысл, полностью покоится в себе самом и не заменяемо ничем другим, будет показано довольно скоро; одновременно с этим свет прольется и на ту сферу, в которой и только в которой это различие могло быть проведено. Одним словом, если критерий, устанавливаемый позитивным правом для правомерности насилия, можно анализировать только в отношении его смысла, то тогда сферу его применения необходимо критиковать с точки зрения его ценности. И тогда задачами такого рода критики являются: найти позицию не только вне позитивной философии права, но и вне естественного права. В какой мере такую позицию может предоставить одно только

историко-философское рассмотрение права, будет показано в ходе дальнейшего рассмотрения.

Смысл различия насилия на правомерное и неправомерное не лежит на поверхности. Следует решительно отклонить одно недоразумение в рамках естественного права, будто этот смысл состоит в различии насилия по отношению к справедливым и несправедливым целям. Скорее, как уже отмечалось, позитивное право требует от любого рода насилия предъявления некоего удостоверения его исторического происхождения, при определенных условиях содержащего его легитимацию, его санкцию. Поскольку признание юридических форм насилия ощутимее всего обнаруживается в принципиально пассивной подчиненности его целям, то в качестве гипотетического основания классификации насилия следует взять наличие или недостаток всеобщего исторического признания его целей. Цели, лишённые такового признания, можно назвать естественными (первичными) целями, в то время как остальные — правовыми целями. Разнообразные функции насилия в зависимости от того, служит ли оно естественным или юридическим целям, нагляднее всего можно показать, положив за основу какие-то определенные юридические отношения. Для упрощения дела последующие рассуждения будут относиться к нынешним европейским отношениям. Для этих юридических отношений, что касается отдельной личности как субъекта права, характерна тенденция не допускать естественных целей, преследуемых этими отдельными лицами, во всех тех случаях, когда такие цели могли бы быть достигнуты насильственным путем. Такой правопорядок требует, чтобы во всех областях, в которых цели, преследуемые отдельными лицами, достигаются ими при помощи насилия, были установлены юридические цели, которые могут быть осуществлены только и исключительно этим правовым насилием. Да, такой правопорядок стремится ограничивать юридическими целями также и те области, для которых естественные цели принципиально разрешены в широких пределах, например область воспитания, коль скоро естественные цели преследуются в таких областях насильственным путем в слишком большой мере, что он (правопорядок) и делает, принимая законы об ограничении педагогического права наказывать. Это может быть сформулировано как всеобщая максима современного европейского законодательства: все естественные цели отдельных лиц должны когда-нибудь столкнуться с правовыми целями, если они достигаются при

помощи насилия. (Противоречие, которое представляет собой тогда право на самооборону, проявится само собой в ходе дальнейшего рассмотрения.) Из этой максимы следует, что право рассматривает насилие в руках отдельного лица как опасность, подрывающую правопорядок. В качестве некоей опасности, ведущей к разрушению юридических целей и правовой исполнительной власти? Да нет же; ибо тогда осудили бы не само насилие как таковое, а лишь насилие, направленное на достижение противоправных целей. Здесь можно было бы возразить, что система юридических целей не могла бы удержаться, если бы где-нибудь естественные цели достигались насильственным путем. Однако, во-первых, это всего лишь догма. Против этого возражения пожалуй просто необходимо принять во внимание неожиданную возможность, что заинтересованность права в монополизации насилия по отношению к отдельному лицу объясняется не намерением сохранить юридические цели, а скорее с их помощью сохранить само право; что насилие в тех случаях, когда оно не находится в руках соответствующего права, является для этого права опасным не из-за целей, которые с его помощью преследуются, а просто потому, что оно существует вне права. Радикальным образом подобное предположение можно постичь, осознав, как часто (в истории) фигура «большого» преступника, какими бы отталкивающими ни были его цели, возбуждала негласное восхищение народа. Это возможно не из-за его поступка, но только из-за его насилия, о котором он свидетельствует. Таким образом, в этом случае насилие — на сегодняшний день право пытается лишить отдельных лиц насилия во всех сферах деятельности — действительно приобретает угрожающие формы и вызывает в состоянии подавленности (im Unterliegen) симпатию толпы против права. Благодаря этой функции насилие по праву кажется праву столь угрожающим, заставляя его столь сильно опасаться насилия, что должно непосредственно проявиться в тех случаях, где согласно современному правопорядку само его развертывание является еще допустимым.

Прежде всего одним из таких случаев является классовая борьба в форме гарантированного рабочим права на забастовку. Наряду с государствами на сегодняшний день единственным субъектом права является пожалуй организованный рабочий класс, у которого есть право на насилие. Против этого воззрения существует однако возражение, состоящее в том, что воздержание от действий (die Unterlassung von

Handlungen), не-деяние, чем в сущности и является забастовка, вообще не может быть названо насилием. Именно этот ход мысли, вероятно, облегчил государственной власти (Staatsgewalt) допустить право на забастовку, когда его допущения уже просто невозможно было избежать. Оно, однако, не безгранично, потому что не безусловно. Конечно, неисполнение действия, а также обязанности, где оно просто приравнено к «разрыву отношений», может быть совершенно ненасильственным, чистым средством. И если с точки зрения государства (или права) в праве рабочих на забастовку речь идет не о праве на насилие, а скорее об ограничении насилия со стороны работодателя, то, действительно, возможно такое событие забастовки, которое соответствует этому понятию и демонстрирует только «отказ» и «отчуждение» от работодателя. Однако момент насилия, а именно в форме шантажа, непременно привносится в акт воздержания от действий в тех случаях, когда оно сопровождается принципиальной готовностью возобновить действие, от исполнения которого воздерживаются, при определенных условиях, которые либо не имеют с сутью деятельности ничего общего, либо лишь внешне модифицируют его. И в этом смысле с точки зрения рабочего класса, которая прямо противоположна точке зрения государства, право на забастовку представляет собой право применять насилие для достижения определенных целей.

Противоположность обоих точек зрения проявляется со всей остротой перед лицом революционной всеобщей забастовки. В ней рабочий класс всякий раз будет ссылаться на свое право на проведение забастовок, однако государство назовет эту ссылку злоупотреблением, так как право на забастовку якобы не имелось в виду «таким образом», и отдаст специальные распоряжения. Ибо ему никто не запрещает заявить, что одновременное проведение забастовки на всех предприятиях противозаконно, так как оно не вызвано, в каждом случае, конкретным поводом, который был бы предусмотрен законодательством. В этом различии интерпретаций выражается объективное противоречие правового положения, по которому государство признает такое насилие, к целям которого оно по временам индифферентно как к целям естественным, но в крайнем случае (революционной всеобщей забастовки) встает к ним во враждебную позицию.

Тем не менее, хотя это и кажется на первый взгляд парадоксальным, при определенных условиях насилием явля-

ется и поведение, сопровождающее осуществление любого права. А именно любое поведение, когда оно активно, следует называть насилием, если оно осуществляет ему предоставленное право, чтобы свергнуть правопорядок, дающий ему же это право, когда же оно пассивно, его также следует называть насилием, если оно — в смысле выше развитого соображения — является шантажом (Erpressung).

Поэтому свидетельством реального противоречия в правовом положении, а не логического противоречия в праве, будет то, что, в определенных условиях государство считает действия бастующих насилием и противостоит им насильственным путем. Поскольку в забастовке государство более, чем что-либо еще, страшит та самая функция насилия, определение которой является предпосылкой создания единственно надежного фундамента его критики, что и является целью данного исследования. Если бы насилие, чем оно на первый взгляд и кажется, было просто средством непосредственного овладения чем-то, чего в данный момент домогаются, то оно имело бы форму насилия-грабежа. Оно было бы совершенно негодно для установления или модификации относительно устойчивых отношений. Забастовка однако демонстрирует, что насилие на это способно, что оно в состоянии устанавливать и модифицировать правовые отношения, в каком бы оскорбленном положении ни оказалось при этом чувство справедливости. Можно сразу же возразить, что таковая функция насилия является случайной и единичной. Рассмотрение военного насилия поможет отвергнуть это возражение.

Возможность военного права покоится как раз на тех же реальных противоречиях в правовом положении, что и в случае права на забастовку, а именно на том, что правовые субъекты санкционируют случаи применения силы, цели которых остаются в глазах санкционирующих естественными целями и которые поэтому в крайнем случае могут вступать в конфликт с их же собственными правовыми и естественными целями. Разумеется, военное насилие обращено в первую очередь совершенно непосредственно на их цели в форме насилия-грабежа. Однако все же очень бросается в глаза тот факт, что даже — или скорее как раз — в примитивных условиях, когда государственно-правовые отношения в иных случаях почти еще не начали развиваться, и даже в тех случаях, при которых завоевания победителя невозможно оспорить, необходима церемония заключения мира. Да, слово «мир» обозначает в своем значении, в котором оно является корре-

лятом к значению «война» (существует еще одно совершенно другое значение, такое же неметафоричное и политическое, то самое, в рамках которого Кант говорит о «Вечном мире»), прямо-таки такое априорное, от всех других правовых отношений независимое, необходимое санкционирование любой победы. Оно заключается как раз в том, что новые отношения признаются как новое «право», независимо от того, требуют ли они de facto какой-либо гарантии, чтобы существовать в дальнейшем, или нет. Таким образом, если исходить из военного насилия как первоначального, прототипического насилия и на этом основании делать вывод в отношении любого другого насилия, применяемого в естественных целях, то любому подобному насилию свойственен правоустанавливающий характер. Позже мы еще остановимся на том огромном значении, какое имеет это понимание. Оно объясняет тенденцию в современном праве, о которой говорилось выше, отбирать у отдельного лица как правового субъекта любое насилие, даже то, которое направлено на достижение естественных целей. В великом преступнике современному праву противостоит именно это насилие с угрозой установить новое право, перед которой и в наши дни, как и в первобытные времена, народ испытывает ужас, несмотря на ее бессилие в ключевых случаях. Государство же испытывает страх перед этим насилием как перед правоустанавливающим (больше, чем средство), каковым оно его и должно признать в условиях, в которых силы извне принуждают государство к тому, чтобы оно признало за ними право на ведение войны, за классами — право на забастовку.

Во время последней войны критика военной силы стала исходным пунктом рьяной критики насилия в целом, которое учит, по крайней мере, одному: насилие больше не осуществляется наивно, потому что этого уже не потерпели бы. Оно стало объектом критики не только в смысле правоустановления, но было уничтожающе оценено, в отношении ещё одной из его функций. Так, двойственность в функции насилия является характерной чертой милитаризма, который смог сформироваться только в результате всеобщей воинской повинности. Милитаризм — это принуждение ко всеобщему применению насилия как средства, применяемого в государственных целях. В последнее время это принуждение к применению насилия было расценено как само применение насилия. В принуждении насилие показывает себя в совершенно другой своей функции, чем в случае простого применения насилия для достижения естествен-

ных целей. Принуждение состоит в применении насилия как средства для достижения правовых целей. Ведь подчинение граждан закону — в нашем случае это подчинение граждан закону о всеобщей «воинской повинности» — есть правовая цель. Если первая из нами названных функций насилия является правополагающей (*rechtsetzende*), то вторую из его функций мы можем назвать правоподдерживающей (*rechtserhaltende*). Поскольку же воинская повинность является случаем применения правоподдерживающего насилия, который ничем принципиально не отличается от других случаев применения такого насилия, то остро критиковать его не так легко, как то внушают прокламации пацифистов и активистов. Критика правоподдерживающего насилия скорее совпадает с критикой всего правового насилия, т. е. с критикой законной или исполнительной власти, и разбор этого вопроса невозможен в рамках простой минимальной программы. Само собой разумеется, этот вопрос нельзя решить, просто заявив, что отныне любые формы принуждения людей не признаются, и просто объявив, что «дозволено все, что угодно». Это детский анархизм. Максима типа «разрешено всё, что угодно» лишь исключает рефлексию в отношении нравственно-исторической сферы и тем самым любого смысла действия; в более широком контексте она исключает рефлексию и любого смысла действительности вообще, т. к. смысл действительности нельзя конституировать, исключив из него собственно действие. Еще важнее то, что и довольно часто встречаемая ссылка на категорический императив, с его пожалуй несомненной минимальной программой, недостаточен для такой критики: «поступай так, чтобы ты к человечеству — как в твоём лице, так и в лице любого другого человека — относился как к цели и никогда просто как к средству»². Ведь и позитивное право будет непременно — там, где оно осознало свои корни, — претендовать на признание и поддержку интересов человечества в лице каждого отдельного человека. Оно усматривает этот интерес в представлении и сохранении определенного судьбоносного порядка. Сколь мало критика может обходить стороной этот порядок, на страже которого стоит право, столь же бессилён однако всякий выпад, направленный против этого порядка, если этот выпад осуществляется только

² Кант И. *Основоположения метафизики нравов // Иммануил кант. Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Том III.* — М.: Московский философский фонд, 1997. — 784 с. — С. 169.

² Позволительно ли скорее сомневаться в этом известном требовании, не содержит ли оно слишком мало, а именно допустимо ли это, самого себя или кого-то другого в каком-либо отношении также как средство. Этому сомнению предоставляются очень хорошие основания.

во имя какой-то аморфной «свободы», будучи не в состоянии определить тот более высокий порядок свободы. Совершенно бессильным такой выпад является тогда, когда он опротестовывает сам правовой порядок не на корню, а направлен только на отдельные законы или правовые обычаи, которые право в целом берет под свою защиту, в силу своей власти, состоящей в том, что есть лишь одна единственная судьба и что именно существующее и в особенности угрожающее являются незыблемой частью её порядка. Поскольку правоподдерживающее насилие — угрожает. Причем, угроза со стороны насилия имеет не смысл устрашения, как то интерпретируют необразованные либеральные теоретики. К устрашению в точном его смысле относилась бы некая определенность, которая противоречит сущности угрозы — этой определенности не достигает ни один закон, поскольку в этом случае сохраняется надежда обойти его. И поэтому закон оказывается таким же угрожающим как судьба, ведь это от неё зависит, подпадет ли преступник в сети ее власти. Глубочайший смысл неопределенности угрозы со стороны права откроется лишь при более позднем рассмотрении сферы судьбы, откуда она и исходит. Весьма ценное указание на неё находим в области наказаний. С тех пор как действенная сила позитивного права была поставлена под вопрос, среди всех наказаний наибольшую критику вызвала смертная казнь. Сколь мало обоснованными были в большинстве случаев аргументы в ее пользу, столь принципиальными были и остаются ее мотивы. Критики смертной казни чувствовали, не будучи в состоянии это обосновать, а вероятнее всего не желая почувствовать, что опротестование смертной казни является выпадом не столько против меры наказания или законов, но в первую очередь против самого права с точки зрения его происхождения.

Если же насилие — это судьбой коронованное насилие — является его источником, то напрашивается предположение, что в тех случаях, когда высшее насилие, т. е. насилие, при котором речь идет о жизни и смерти, проявляется в правовом порядке, его истоки репрезентативно пронзают существующее и проявляются в нем ужасающим образом.

С этим созвучно то обстоятельство, что в примитивных правоотношениях смертная казнь предусматривается и в отношении, например, проступков против собственности, по отношению к которым она кажется совершенно «несоразмерной». Ведь смысл заключается не в том, чтобы наказывать за правонарушение, а в том, чтобы устанавли-

вать новое право. Поскольку в осуществлении насилия через власть над жизнью и смертью право утверждает само себя сильнее, чем в каком-либо другом правовом акте. Но именно в случаях осуществления насилия одновременно дает о себе знать — особенно тонкому чувству — нечто обветшавшее в праве. Тонкому чувству это доступно потому, что оно считает себя бесконечно далеким от отношений, в которых судьба являла бы себя во всем величии в насильственном акте. Однако разум должен тем решительнее искать сближения с этими отношениями, если он хочет довести до конца критику как правополагающего, так и правоподдерживающего насилия.

В намного более противоестественном сочетании чем смертная казнь, можно даже сказать в жутком их переплетении, оба вида насилия присутствуют в еще одном институте современного государства, а именно в полиции. Хотя полиция является насилием в правовых целях (с правом распоряжаться), она одновременно наделена полномочием самой устанавливать правовые цели, причем в широких границах (с правом выносить административные постановления). Позорность этого ведомства, заключается в том, что в нем упразднено разделение на правополагающее и правоподдерживающее насилие: это чувствуют лишь немногие, в первую очередь потому, что полномочия этого ведомства перерастают в грубейшие нарушения лишь изредка и поэтому тем слепее могут, разумеется, применяться в самых уязвимых областях и против рассудительных членов общества, от которых государство не могут защитить законы. Если в отношении правополагающего насилия выдвигается лишь требование победы, то правоподдерживающее насилие подлежит ограничению: оно насилие не должно определять для себя новые цели. От этих обоих условий полицейское насилие освобождено: с одной стороны, полицейское насилие является правополагающим, так как его характерной функцией является не обнародование законов, а издание инструкций, претендующих на правовой статус. С другой стороны, оно является правоподдерживающим, поскольку оно предоставляет себя в распоряжение для достижения неких правовых целей. Утверждение, что цели полицейского насилия всегда идентичны или хоть как-нибудь связаны с целями остального права, является абсолютно ложным. Скорее, «право» полиции обозначает в сущности тот пункт, в котором государство, будь-то от бессилия, будь-то из-за имманентных связей внутри любого правового

порядка, больше не может посредством права гарантировать свои собственные эмпирические цели, которых оно желает достичь любой ценой. Поэтому полиция вмешивается «из соображений безопасности» в тех бесчисленных случаях, когда правовая ситуация характеризуется отсутствием какой-либо ясности, когда при отсутствии какой-либо связи с правовыми целями полиция сопровождает гражданина в форме контролируемой предписаниями жизни (что сродни грубым приставам), или просто-напросто надзирает за ним. В противоположность праву, которое своим «решением», привязанным к месту и времени, признает некую метафизическую категорию, и посредством нее открывает себя для критики, рассмотрение института полиции не наталкивается на существенные критерии. Насилие со стороны этого института является аморфным, как и его нигде не постижимое, повсеместное, призрачное проявление в жизни цивилизованных государств. И даже если отдельно взятая полиция видит себя везде повторяющейся, то в конечном счете нельзя не заметить, что её дух менее разрушителен в абсолютной монархии, там где она представляет насилие государя, соединяющего в своих руках законодательную и исполнительную власть, и более разрушителен в демократиях, где её существование, не находящееся в какой-либо подобной связи, свидетельствует о максимальном вырождении насилия.

Любое насилие как средство является либо правополагающим либо правоподдерживающим. При этом, если насилие не претендует ни на один из этих предикатов, то оно тем самым отказывается от какой-либо действительности своей силы. Из этого, однако, следует, что в наиболее благоприятнейшем случае любое насилие как средство само приобщается к проблемам права. И даже если на настоящем этапе нашего исследования значение насилия ещё нельзя с уверенностью проследить до конца, все же сказанное выше представляет право в столь двусмысленном нравственном освещении, что сам собой напрашивается вопрос, нет ли в деле урегулирования противоречивых человеческих интересов каких-нибудь иных средств, кроме насильственных. Прежде всего, необходимо констатировать, что совершенно ненасильственное урегулирование конфликта не может обеспечиваться правовым договором. Ведь в конце концов такой договор, как бы миролюбивы не были договаривающиеся стороны, ведет к возможному насилию: он наделяет каждую сторону правом применять к другой насилие

в какой-то его определенной форме, если другая сторона нарушает условия договора. Мало того: как исход, так и исток любого договора указывает на насилие. Хотя последнему, как правополагающему, не обязательно непосредственно присутствовать в договоре, оно в нём всегда представлено, поскольку власть, которая гарантирует соблюдение правового договора, берет свое начало в насилии и даже применяется этим насилием в каждом конкретном случае заключения договора. Когда же сознание о латентном присутствии насилия в некоем институте права теряется, то последний деградирует. В настоящее время парламенты являют тому хороший пример: они представляют собой до боли знакомое жалкое зрелище, поскольку они не сохранили, потеряли сознание того, что обязаны своим существованием революционным силам. В особенности в Германии последнее проявление таких волн насилия прошло для парламентов без последствий. Они абсолютно не понимают смысла правополагающего насилия, которое в них представлено; ничего удивительного, что они не принимают решений, созвучных этому насилию. Вместо этого они видят в компромиссе якобы ненасильственный способ решения политических вопросов. Но ведь компромисс всегда остается продуктом, который «хотя и презрительно отвергает любое открытое насилие, но который тем не менее заложен в менталитете насилия, ведь стремление, ведущее к компромиссу, исходит не из себя самого, а приходит извне, а именно, оно мотивировано противоположным стремлением, поскольку любому компромиссу, как бы он ни был воспринят сторонами, неотделимо присущ принудительный характер. «Лучше было бы по-другому» является глубинным чувством в основе любого компромисса»³. — Необходимо заметить, что деградация парламентов, связанная с отклонением от идеала ненасильственного улаживания политических конфликтов, вероятно отвортила от себя столько же умов, сколько их привлекла к ним война. Пацифистам противостоят большевики и синдикалисты. Они уничтожающе и в целом точно критиковали сегодняшние парламенты. Каким бы желательным и утешительным ни был полномочный парламент, в рассмотрении принципиально ненасильственных средств достижения политического соглашения парламентаризм фигурировать просто не может, так как то, чего с его помощью можно достичь в жизненно важных вопросах, это лишь те правовые порядки, которые как в своем истоке так и в своем исходе имеют насильственный характер. ❏

³ Unger: Politik und Metaphysik. Berlin 1921. S. 8

ГРАНТОНОСЦЫ

4.1

В помощь начинающим грантоедом. Как распределяются студенческие гранты в различных фондах

стр. 129